

Павел Алешин

Танцы Атиктеи

Книга стихов

Павел Алешин
Танцы Атиктеи

«Издательские решения»

Алешин П.

Танцы Атиктеи / П. Алешин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747905-3

Джон Китс говорил, что поэзия должна появляться естественно, как листья на деревьях. Все стихотворения этой книги появились именно так. Поэтому я не могу заранее сказать, о чем она: мнение автора в этом случае так же субъективно, как и мнение читателя. Могу сказать лишь о том, что объединяет представленные стихотворные циклы: это образ танца, являющегося метафорой жизни.

ISBN 978-5-44-747905-3

© Алешин П.
© Издательские решения

Содержание

Танцы Атиктеи	6
Сонет, в котором поэт впервые видит Атиктею1	8
Сонеты о танце	9
«Рука в руке – живое постоянство...»	9
«О, единенья, расставанья муки!»	10
«Тонкие линии рук...»	11
Ветра дуновения в саду	12
«Словно смутное воспоминание...»	13
«Облака налетели на небо метелью...»	14
«Неповторимые картины...»	15
«Там, где тела – моря...»	16
«Глубины сердца на руках-равнинах...»	17
О, сердце, о, мягкое золото	18
Сонеты о дарах Атиктеи	19
«Где слово мне найти для всех даров...»	19
«Синеву немислимую неба...»	20
«Каждый твой танец – заповедь...»	21
«...Как чуток слух, как честен дух...»	22
Прозаические арабески	23
Все эти слова	23
Мне приснился сон	23
Ни один твой танец, Атиктея	23
Стихия...	24
Вечернее солнце	24
Воспоминание	24
Не только на время, пока длится танец, навеки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Танцы Атиктеи
Книга стихов
Павел Алешин

© Павел Алешин, 2016

© Василиса Амелехина, иллюстрации, 2016

Редактор Иван Алешин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Танцы Атиктеи

Федр. Взгляни, о, взгляни же!.. То самое, что ты стараешься объяснить, можно увидеть сейчас в ее танце... Она делает зримым мгновение... О, какие нижез она жемчуга!.. Свои жесты она мечет, как искры!.. Невозможные позы похищает она у природы на глазах у застывшего Времени!.. И оно

поддается иллюзии... Она безнаказанно проникает в царство невероятного...
Она божественна в мимолетном, она дарует его нашим взглядам!..

Эриксимах. Мгновение рождает форму, и форма делает зримым
мгновение.

Поль Валери, «Душа и Танец»

Touch has a memory.

John Keats

Сонет, в котором поэт впервые видит Атиктею¹

В том мире, где царишь ты полновластно,
в саду, где юным солнцем светит тело
твое, не зная разума предела,
где небо взора беззаветно ясно,

где вздохов зори полыхают страстно,
где душу музыкою ты одеда,
где, отвечая, вопрошаешь смело,
где с чувствами твоими все согласно,

навекы бы в безмолвии забыться! —
тебе доверив, словно ветру птица,
свободу – беспричинно, без остатка.

И как бы не было *навекы* кратко,
ты лишь пой в сиянье лучезарном
мне сердце рук твоих вином янтарным.

¹ Атиктея – с греч. – Священная.

Сонеты о танце

«Рука в руке – живое постоянство...»

Рука в руке – живое постоянство
в непредсказуемости танца: вновь
и вновь в неисчислимых сочетаньях —
шаги вперед, вращения, повороты,
шаги назад, разрывы, единенье
и замирание в мгновении безмолвном,
как будто в вечности... хотя известно
танцующим, что это – лишь мгновенье,
но с силою какой самозабвенья
они в нем растворяются! И вновь
и вновь в неисчислимых сочетаньях —
шаги вперед, вращения, повороты,
шаги назад, разрывы, единенье,
и неизменные – рука в руке...

«О, единенья, расставанья муки!»

О, единенья, расставанья муки!
И сердце – ходуном: то – вниз, то – ввысь...
Но через танец, жизнь, освободись,
и музыку возьми в свои ты руки!

Два тела – нераздельные – в разлуке...
Два звука – разные – навек сплелись...
Сознанье, уши заострив, как рысь,
не понимает, где – тела, где – звуки...

О, неразрывность! Каждый шаг ведь – слог.
И в предложения немые
слагаются шаги...

А эпилог – порою – как пролог,
и в нем – мелодии – иные:
лишь слух свой напряги.

«Тонкие линии рук...»

Тонкие линии рук.
В воздухе тают слова предсказаний.
Трепетом нежных касаний
жизнь наполняется вдруг.

Таинство воспоминаний —
память на кончиках пальцев...
В ней, как во сне, пробужденное сердце купается
и очищается в светлой воде осязаний.

Грустные нити разлук
все оплетают, но тонкие линии рук
снова являются – воображенью, —

так же все тают, как камня следы на воде,
как угасающий свет на далекой звезде,
тише и тише, до полного изнеможенья.

Ветра дуновения в саду

Ach, die Garten bist du.

R.M.Rilke

Ветра дуновения в саду —
тихий шепот чувств неизреченных
и в дыханье тайно заключенных
так, что сердца тайны – на виду.

Орхидеи тонкие цветут,
заплетая дивные узоры
и навек приковывая взоры
тех, на миг кто задержался тут.

Наяву ли этот сад, цветенье
орхидей, волнительные грезы
красотою данных мук?

Или это – хрупкое виденье,
тела и души метаморфозы,
в танце явленные вдруг?

«Словно смутное воспоминание...»

Словно смутное воспоминание,
которое не находит своего предмета
в проблесках образов и их мерцающего света,
тело танцует, и танец тот – узнавание,

узнавание формы своей потерявшейся,
в окружении звуков, в пространстве,
и обретение полноты и постоянства
в круговороте стихии, всегда изменявшейся,

и, океану подобное, тело,
переливается ритмами-волнами,
и в изгибах своих забывается,

и порывами, безмыслием полными,
разлетается, чистыми, смело
и вновь, как во сне, заплетается.

«Облака налетели на небо метелью...»

Облака налетели на небо метелью,
налетели, белея, на небо ночное,
и очи небесные глядят колыбелью
того, что священное, того, что земное.

облака то слетаются, то разлетаются,
от дыхания неба, небо дышит ветрами,
и звездными вздохами оно обнажается
своими движеньями, своими мечтами.

И, страстным покоем своим изумленная,
стихия являет себя в полноте,
и, тихо снегами в ночи окрыленная,
в первоначальной летит темноте,
и, музыкой тающей благословленная,
затем замирает она в немоте.

«Неповторимые картины...»

Неповторимые картины
рисуют кисти обнаженных рук,
сплетая чувства все в единый
невидимый, неизъяснимый круг.

Печали, радости, тревоги,
сомнения, счастье – сердца целый сад —
так просто отбивают ноги,
как будто давят спелый виноград.

И танец льется, как вино,
в нем – истина. Обман в нем неуместен,
души и тела неуместен торг,

притворство в нем запрещено,
ведь неизменно – откровенно честен
дионисийства чувственный восторг.

«Там, где тела – моря...»

Там, где тела – моря,
там, где руки – реки

(чертит стопой заря
тающее *навек*),

там, где морей сердца
льются друг в друга руками

(чертит заря без конца
навек в волнах стопами),

музыка там – луна,
из-за нее приливы,
из-за нее отливы

(луной и заря полна —
как ночь освещают свечи,
луною блестят ее плечи).

«Глубины сердца на руках-равнинах...»

Глубины сердца на руках-равнинах
пускают корни, в пальцах прорастая,
и те цветут, касанья распуская —
цветы даров взаимных, двуединых.

И в музыке сплетаются венками
они, что никогда неповторимы...
И до конца не ясно, кем творимы
и чем полны: реальностью ли, снами?

Ответов нет. Но не нужны ответы:
любое таинство – всегда завет,
как страсть заката и покой рассвета.

Глубины сердца если им согреты,
необходимости в вопросах нет:
пусть лишь цветут объятий чудоцветы.

О, сердце, о, мягкое золото

*Sólo tu corazón caliente,
y nada más.*

Federico Garcia Lorca

О, сердце, о, мягкое золото!
(Через руки льет солнце свой светлый, свой трепетный лик)
И другими руками сияние это расколото,
чтобы сердце – другое – впитало его каждый блик.

Просветление —
лишь заклятие
и прозрение
темноты.
Так и знание —
лишь объятие
и сознание
правоты.

Вот и сердце – как солнце – всегда оно молодо! —
животворного золота чистый родник.

Сонеты о дарах Атиктеи

«Где слово мне найти для всех даров...»

Где слово мне найти для всех даров,
столь щедро расточаемых тобою,
текущих вдоль смотрящих с берегов
божественно, без умысла, рекою? —

для каждого движенья твоего,
в пространстве тающего вдохновенно,
для вздоха каждого (о, торжество
того, в чем жизнь всегда самозабвенна!),

для рук твоих, пьянящих, как вино,
не тело обнимающих, а душу
теплом лучей вечерних солнца... но,
им имя дав, я тайну ль не нарушу?

Нет! Слово будет тайной, как и взмах
руки твоей, как ночь в твоих глазах.

«Синеву немислимую неба...»

Синеву немислимую неба,
взором лишь вдыхаемую прежде,
вдруг к груди прильнувшую в волненье
и открывшуюся осязанию,

облаков неслышимую поступь,
белизною тающую нежной
орхидей, запечатленных сердцем,
вдруг открывшуюся слуху тела,

золото далекое заката,
теплотой наполнившего ночи,
вдруг рукам доверенное смертным
чистое, негаснущее пламя, —

вот, что ты даруешь, Атиктея,
щедро и божественно – свободно.

«Каждый твой танец – заповедь...»

Каждый твой танец – заповедь,
каждый твой танец – заводь
чувства, еще не сбывшегося,
и того, что потом не сбудется.

Каждый твой взгляд – всплеск молнии
среди ночного безмолвья,
но и – моря наполненность!
но и – глубин его волны!

Каждым касанием – знаменьем —
телесным, немим заклятием
ты осеняешь объятие.

И каждый твой вздох – как пламенем
обжигает ладони нежностью,
как звезды – свою вечностью.

«...Как чуток слух, как честен дух...»

...Как чуток слух, как честен дух.
Лишь ветер музыки, и единенье двух
не ясных нам самим внезапных откровений,
и непроизносимых вслух
круговращенье слов – живых прикосновений,
мгновенно тающих телесных ощущений,
но в тишине не исчезающих совсем,
овладевающих в забвенье бытием.

...О, вечно слушать я готов
дыханья твоего приливы и отливы
и сердца твоего таинственного зов,
его неожиданные и щедрые порывы —
всегда нечаянный твой дар,
сокрытый светом черным солнца жар!

Прозаические арабески

Отдать можно только то, что уже отдано. Отдать можно только то, что принадлежит другому.

Х.Л.Борхес

Все эти слова

Все эти слова, которые я роняю, как листья, и которые я заплетаю в вечный венок стихов, – твои, Атиктея. Они принадлежат тебе, потому что, еще не написанные, еще не произнесенные, они уже были твоими. Я возвращаю словами тебе – твое: и ветер твоих движений, и темную ночь твоих глаз, – каждый раз, когда называю твое имя. Так же я благодарю за хрупкую красоту орхидею, произнося: орхидея.

О, когда-нибудь (верю!), когда-нибудь, если мне хватит времени, возможно, почти немея, я все же смогу вернуть тебе в сохранности дары твои, что несказанны и невыразимы. Какие долгие дни и ночи, какие долгие весны, лета, осени, зимы я буду беречь их, чтобы однажды вернуть их тебе, произнося: Атиктея!

И звучание твоего имени, сотканное мной из снов, которые ты танцуешь, из легкой поступи твоих ног и из нежности твоих рук,

наполнив собою пространство, вновь станет тишиной так же, как тишиной стал Бог, сказав свое первое слово – мироздания первый звук.

Мне приснился сон

Мне приснился сон.

Я ни разу не был в Буэнос-Айресе, но я точно знаю, что во сне я был именно там. Для тела есть границы, но для воображения их нет. Я знаю, что во сне я был в Буэнос-Айресе, хотя я точно помню, что во сне была ночь, и почти ничего не было видно, кроме редких ярких вспышек уличных фонарей.

Я знаю, что я был в Буэнос-Айресе. Я услышал это в дуновениях добрых ветров; я услышал это в шагах и в дыхании людей, не видимых мне, беззаветно танцевавших вокруг меня танго.

Как мог я слышать все это? Как мог я узнать, что во сне я был в Буэнос-Айресе?

Но разве я не танцевал с тобой? И разве дух Буэнос-Айреса не заключен в танго? И, значит, танцуя с тобой, не бродил ли я уже по ночным улицам этого города, освещенным редкими яркими вспышками фонарей?

Мне кажется, я ошибался: не только для воображения, но и для тела нет в этом мире границ.

Ни один твой танец, Атиктея

Ни один твой танец, Атиктея, не заканчивается, потому что красота столь же бессмертна, сколь и мимолетна. В ее хрупкости – ее непобедимая сила, в ее невыразимости – залог ее вечного становления.

Отзвучала музыка, Атиктея, и ты остановилась, полная ею, счастливая, потому что истинное счастье – беспричинно, а танец – это беспричинность и естественность бытия, ни чувством, ни разумом не объятно.

Едва ты остановишься, Атиктея, и танец твой, навеки в моей памяти (каждым вздохом, каждым шагом, каждым прикосновением взволнованных рук), продолжает жить воспоминанием.

О, сколько ощущений, Атиктея! Сколько хрупких и бессмертных сокровищ сохраняется в моей памяти, щедро даруемых тобою, благодаря одинокому стражу – невыразимости.

Стихия...

Стихия... безоглядное, беззаветное, беспричинное счастье! – порыв, дуновение, внезапный шаг навстречу – и мятежный покой движения! – белый вихрь! Все захвативший, все закруживший вихрь! – единение в музыке: блаженная невозможность понимания границ – пределов тела и мелодии...

Целая жизнь в каждом мгновении – поток ощущений, исполненных смысла, не объяснимого разумом, но осязаемого... и в быстром кружении, и в живой неподвижности... – в неподвижности, текущей волнами дыхания...

Замирающая в тишине свобода...

Вечернее солнце

Вечернее солнце обнимало сладостным звонким сиянием землю, взволнованно прикасаясь к ней своими золотыми руками. Земля преображалась, с каждым вздохом наполняясь священным теплом. Безмолвное объятие. Безмолвный танец...

И меня обнимало вечернее солнце.

Ты обнимала меня, Атиктея.

Воспоминание

She walks in beauty like the night.

G. Byron

Какое томительное, чарующее, смутное (потому что все время от меня ускользает) воспоминание! Темная летняя ночь (не нежная ли ночь твоего взгляда, не черная ли ночь твоих волос?) ... И в эту темную летнюю ночь – как чудо – снежная метель (не лебединая ли метель твоего платья?), закружившая все в своей чистой, тающей, чувственной белизне.

Нет, это не просто воспоминание, это вечно длящееся мгновение – мгновение, переживаемое снова и снова; это то, то невозможно забыть, это – ощущение тепла объявшего меня ветра (не тепла ли обнимавших меня твоих тонких рук?), в котором – вся эта ночь, целиком, в едином порыве.

Все это было истинным, хотя я не могу сказать и сейчас, что из этого было в реальности, а что из этого было во сне.

Меня ли держали выросшие вдруг крылья, или я танцевал с тобой, обнимая тебя, ответным трепетом подобную иве?

Не только на время, пока длится танец, навеки

... Не только на время, пока длится танец, навеки (память тела никогда не обманет и воспоминания вечно будет беречь): и музыка – море, в которое влились, соединившись, двух сердец безмолвные реки; и безупречные рифмы обнаженных вечерним солнцем плеч; и все встречи, прошлые и будущие, бывшие и небывшие, в одном касании; и тот вечер, неповторимый, и другие вечера, не предсказавшие его; и простые шаги, значащие больше любого при-

знания; и осознание хрупкости мгновений, каждое из которых – осязания торжество; и руки, взволнованные, не отпускающие, хранящие объятье; и сокровенное чувство, явленное в изящном изгибе кисти; и ставшее видением, едва уловимым в своем силуэте, платье; и мягкий свет, опадающий бликами, как осенние листья; и опущенные нежностью тихой ночи веки...
На мгновение и навеки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.